

Харченко Оксана

*Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Брест, Беларусь*

**О ФАКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНИКОВ
В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР
(СЕНТЯБРЬ 1939 – ИЮНЬ 1941 ГГ.)**

В статье рассматривается конфессиональная обстановка в западных областях Беларуси с момента вхождения в сентябре 1939 г. этих областей в состав БССР и СССР. Первоначально проводимая религиозная политика советской власти в западном белорусском регионе по отношению к православной церкви, католическому костелу, к религиозным сектам, отличалась сдержанностью. С весны 1940 г. умеренный курс советской власти в области идеологии и вероисповедания стал изменяться в сторону ужесточения, что привело к закрытию многих храмов и репрессиям в отношении священнослужителей и верующих.

***Ключевые слова:* церковь, костел, антирелигиозная политика, пропаганда**

Церковь и все, что касается церковных дел в СССР, после событий 1917 года, оказались в центре совершенно новых исторических и политических событий. Приход к власти в России коммунистической партии, становление нового огромного Советского государства, сопровождалась антирелигиозной пропагандой, тем более, в духе единой жесткой политики, как в отношении Русской Православной Церкви (РПЦ), католического костела, так и других конфессий. Антирелигиозные мероприятия, проводимые органами советской власти, должны были содействовать скорейшему исчезновению религии и церкви в коммунистическом государстве. Однако, церковь не только сумела выжить в созданных для нее чрезвычайных условиях, но и в значительной степени вернуть авторитет и паству.

РПЦ в Восточной Беларуси, входившей в то время в состав СССР как союзная советская республика, также испытала на себе всю тяжесть государственной антирелигиозной политики. Согласно документам Комиссии по отделению Церкви от государства, только в Советской Беларуси из 1022 храмов, действующих на 1 января 1930 г., в течение двух последующих лет было закрыто и передано под так

называемые культурные и хозяйственные нужды 573 церкви [19, с. 6]. Несмотря на то, что советская власть, учитывая близость границы с Польшей, вынуждена была вести здесь более умеренную политику по отношению к Церкви, тем не менее, это обстоятельство не помешало большевикам провести полное ограбление белорусских храмов и подвергнуть священнослужителей репрессиям.

В 1939 г. наблюдается изменение курса государственной религиозной политики, а именно закончился десятилетний период открытого наступления на церковь. Переломным моментом стали события сентября 1939 г. – вступление советских войск на территорию Польши и присоединение Западной Беларуси и Западной Украины к СССР. Причины этих перемен были как внутренние, так и международные:

во-первых, политика «воинствующего атеизма» не достигла своей главной цели – полного вытеснения религиозной веры, что подтверждают не только данные переписи населения 1937 г. – более 50 % оказалось верующими [21, с. 279], но и исследования историка В. П. Зензинова. Историк, проанализировав письма, обнаруженные финнами в карманах красноармейцев, которые погибли в ходе советско-финской войны 1939–1940 гг., пришел к заключению «о неудаче религиозной пропаганды в СССР», отмечая, что только в одном письме красноармеец был равнодушен к религии, а основная масса писем содержала упование на Божию милость, родительское благословение [9, с. 53];

во-вторых, надвигавшаяся война требовала национального единства вместо атмосферы внутригражданской борьбы, провоцируемой как раз нападениями на верующих;

в-третьих, появилась заинтересованность в использовании прежде всего патриархии для распространения советского влияния на миллионы православных жителей присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 гг. территорий. При этом был учтен благоприятный для СССР факт дискриминации польскими властями православной церкви (ПЦ).

Известно, что в бывших восточных польских областях было семь православных архиереев: архиепископ Виленский и Литовский Феодосий (Феодосиев); архиепископ Полесский и Пинский Александр (Иноземцев); архиепископ Волынский и Кременецкий Алексей (Громадский); епископ Острожский Симон (Ивановский); епископ Камень-Каширский Антоний (Марценко); епископ Луцкий Поликарп (Сикорский); бывший епископ Пинский и Новогрудский Пантелеимон (Рожновский). За непризнание так называемых «Временных правил

1922 г.» [9, с. 37] и за противление курсу на незаконную автокефалию Польской ПЦ епископа Пантелеимона отрешили от управления епархией и заточили в Мелецком монастыре под надзор настоятеля [22, с. 345–350]. В секретных документах сам архиерей Пантелеимон (Рожновский) упоминался как «бывший адмирал царской армии» [6, л. 15]. Переход же священнослужителей в Московскую патриархию облегчался недовольством многих священников и части архиереев тем, что после отделения ПЦ в Польше от русской в 1923 г., глава польской ПЦ митрополит Дионисий (Валединский), хотя и русский по происхождению, оказался под давлением польского правительства и украинских националистов и поддерживал как полонизацию русских и белорусских приходов, так и украинизацию украинских. Известно, что в 1939 г сам митрополит Дионисий остался на территории, отошедшей к Германии, и влиять на церковную жизнь в бывших восточных областях Польши уже не мог [18, с. 106].

В западных областях БССР имелись как общины, так и монастыри. По данным областных Комитетов партии в западных областях БССР насчитывалось: 446 костелов, 542 церкви, 387 синагог и 14 монастырей и духовенство: 617 ксендзов, 606 попов, 293 раввина. Руководство православными церквями осуществляется церковными епархиями. Только Гродненская церковная епархия объединяла 356 православных общин, разделенных на 33 благочинных округа. В 1940 г. была даже создана консистория в Жировичском монастыре, Слонимского района, в подчинении которой вошли православные общины Барановичской, Белостокской, Полесской областей. Во главе Епархиального совета в Консистории стоял архиерей Рожновский с секретарем священником Катовским.

Судьба Католического костела, как и Православной церкви, в СССР была достаточно трагичной. Так, по данным, составленным в 1936 г. могилевским католическим епископом Неве [1, с. 22–25], из 853 католических священнослужителей в СССР осталось 16, более 300 епископов и ксендзов были расстреляны, действовало только 30 костелов и каплиц [10, с. 303]. Поэтому к 1938 г. Костел был ликвидирован как институт: исчезли парафии, были закрыты храмы, за исключением двух французских приходов в Москве и Ленинграде, поскольку советская власть пыталась сохранить добрые отношения с Францией [13, с. 161].

Осенью 1939 г., когда в состав БССР была включена территория Западной Беларуси, Костел вновь получил возможность функционировать: на присоединенных территориях действовало около 6.000 костелов и часовен [12, с. 27]. Известно, что в Западной Беларуси к

1939 г. имелось 65 мужских и женских монастырей и монашеских домов, в них, по приблизительным данным, было около 600 монахов и монахинь, в том числе монашествующих ксендзов, среди которых были выходцы не только из Беларуси, но и из Польши и Украины. При этом практически в каждом городе издавалась католическая газета, журнал или религиозный листок. При самих костелах действовали разнообразные религиозные организации – молодежные, профсоюзные, филантропические, женские и др. [8, с. 44]. Следует признать, что Католический костел являлся крупным земельным собственником. Так, в бывших Белостокском, Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах 5018 приходам в 1939 г. принадлежало 14411 га пахотной земли (без земель Пинского епископата) [17, с. 45]. В 1939 г. в БССР были включены три предвоенных римско-католических диоцезии – Виленская, Пинская и Ломжинская [8, с. 144]. Среди верующих – католиков по вероисповеданию – в западных областях Беларуси преобладали поляки [13, с. 40]. Вместе с тем, в Виленской и Пинской диоцезиях значительную часть католиков составляли белорусы.

После «вхождения» западных областей в состав БССР и СССР, советскими органами власти был поставлен вопрос об унификации этой территории в административном, экономическом, финансовом, социальном и идеологическом отношении со всем Советским Союзом. Как показывают документальные источники, до весны 1940 г. в западных областях Беларуси не наблюдалась организация массовых акций в защиту как культовых зданий, так и религиозных общин. И это объяснимо: советской властью было дано указание «оставить костелы и духовенство в покое, учитывая привязанность польского народа к костелам и религии» [10, с. 274]. Богослужения как в костелах, так и в церквях, синагогах, проходили без всяких запретов [9, л. 122]. Но исходя из того положения, что интеграционные меры страны Советов потребовали ликвидации конкурентных мировоззрения и идеологии, советская власть с весны 1940 г. начинает проводить более наступательную антирелигиозную политику. В результате у католического костела в Западной Беларуси конфисковываются все земли и национализируется собственность. Закрываются все религиозные учебные заведения. Как и для других конфессий, католикам запрещается вся религиозная деятельность вне костелов. Костел лишается права создавать образовательные и религиозные организации, а уже существовавшие были распущены. Именно с марта 1940 г. из школьных программ удаляется изучение религии, а детям запрещается молиться во время занятий [8, с. 266].

С весны 1940 г. в советских спецотчетах стали приводятся сведения о фактах, «подтверждающие активизацию духовенства и сектантов в западных областях БССР»: «в 10 км от Слонима, в деревне Жировичи Барановичской области (Барановичская область существовала с 4 апреля 1940 по 26 апреля 1954 г.) находится православный Свято-Успенский монастырь, основанный еще в 1470 г. (!). Делами монастыря в это время руководил архимандрит Бобковский. 27 июня 1940 г. помощник Жировичского монастыря Кударенко Григорий, кстати, бывший белогвардеец, устанавливая очередь к священнику для причастия, говорил следующее: «Я и сам из России и видел, что хлеба у них совсем мало, они только строят машины, оружие, а на кого все это? – на людей. Безбожники эти советские люди, они не признают Бога. Когда я приехал сюда, в монастырь, только тогда я увидел свет. А, сейчас – тоже самое получается... Видите, у нас отняли землю». Этот самый Кударенко агитировал крестьян против колхозов, рассказывал им «всякие небылицы» [6, л. 20].

В апреле 1940 г., по случаю командировки митрополита Сергия, как отмечали советские спецорганы, из Москвы приезжал митрополит Воскресенский. После его отъезда, «заметно усилилась деятельность церковников, они сумели организовать только в 1940 году 4 крестных хода, с участием большого количества верующих отдельных районов и таких городов, как Гродно и Пинск» [25, л. 19]. С началом осени, 27 сентября 1940 г., в Праздник Воздвижение Креста Господня, состоялся крестный ход, который возглавил поп из деревни Глошица. В данном крестном ходе участвовало более 1 тыс. человек (!). Верующие с хоругвями – религиозными знаменами с образом Иисуса Христа, Богородицы и святых, пришли из отдельных деревень и разместились у местных жителей. В самом же монастыре для верующих был организован буфет. 14 октября 1940 г. В Покров день, при большом количестве верующих более 2 тысяч человек, архиерей Рожновский выступил со следующей проповедью: «Мы переживаем очень тяжелые времена, но нам не следует падать духом и унывать. Нужно усилить наши молитвы к Царице Небесной: подобно тому, как некогда Она спасла от гибели жителей города Константинополя, в память чего установлен Праздник Покров, так разным образом Она и нас не оставит своим заступничеством и помощью» [6, л. 20]. 24 октября 1940 г. священник Катович и иеромонах Шахмат в г. Слоним агитировали крестьян за открытие церкви в деревне Поречье, которая бездействовала с самого начала прихода Красной Армии.

Упоминается в сводках и такая информация: «В Семятичском районе при похоронах ученицы 3 класса Каденнской Ганчук говорил

следующее: «Ученые говорят, что природа материальна, но они не докажут, откуда у людей бывают горе и слезы» [6, л. 21]. В деревне Бостынь Лунинецкого района Пинской области поп Вечерко для уплаты налога организовал сбор средств от 10 до 15 рублей с каждого крестьянского двора. В местечке Беловеже, Гайновского района, Брестской области, в сентябре 1940 г., приехавший из Пинской области, поп Байков, с разрешения попа Пушкаревича, после церковной службы, прочел проповедь следующего содержания: «Сталинская Конституция дает нам основание отбывать все религиозные обряды, поэтому мы должны больше молиться и выполнять все законы Евангелия. Там, где я живу и служу, местные власти хотели запретить мне звонить в колокола, но я вместе с прихожанами, добился того, что и сейчас звоню. Я призываю молиться, посещать церковь, Бог простит вам все грехи». Или: «Поп, деревня Рогачи, Клещельского района, выступил в церкви перед верующими против зарегистрированного кандидата в депутаты сельского совета гражданки Бодовец Просковьи. Заявив следующее; «Бодовец Просковья, выдвинутая кандидатом в депутаты сельского совета, предалась антихристу и не верит уже больше в Христа». Гражданка Бодовец Посковья пришла в райком партии и заявила об этом факте. При этом, «просила воздействовать на попа, чтобы он не проклинал ее перед верующими». В местечке Радунь Барановичской области ксендз летом 1940 г. собирал к себе детей и читал им Евангелие. Ксендз деревни Острожан Семятического района Брестской области «сумел так обработать рабочих совхоза «Острожаны» в количестве 30 человек, что эта группа рабочих, по инициативе ксендза, пришла однажды в райком КП(б)Б с требованием «убрать тех рабочих и директора совхоза, которые якобы «вредят» совхозу». Как выяснилось позже, рабочие и директор вели антирелигиозную работу среди верующих [6, л. 19].

О значительном влиянии ксендзов на учеников польских школ свидетельствовал такой факт: в Столбцовском районе Барановичской области, 11 апреля 1941 г. ксендз поручил ученице 10-го класса 3-й школы Головня Ирине собирать подписи учащихся школы о том, что в дни польской Пасхи они будут вместо школы посещать Костел. Головня Ирина успела собрать 15 подписей учащихся старших классов. Однако сбор подписей был сорван, так как другая ученица этой же школы (по национальности поляк, подавшая заявление о приеме ее в комсомол) сообщила об этом директору. По данному факту началось детальное расследование для выяснения, кто из учеников поставил свои подписи [3, л. 112]. В Чижевском районе, ксендз Вишневский во дворе Костела для детей и молодежи организовал игры в мяч, в фут-

бол и шашки, домино, при этом, обучал детей молитвам и под диктовку задавал им следующие вопросы: Что есть Бог? Что такое предсказание Божье? Что такое лучшее и грех? Что такое грех и исповедь? и т.д.» В местечке Гайновка, Брестской области, местный ксендз при проведении совещания церковного актива стал объяснять присутствовавшим Сталинскую Конституцию «в духе усиления религии и мобилизации актива против советской власти». На одном из таких совещаний, им было заявлено следующее: «Согласно Сталинской Конституции, мы можем свободно проводить религиозные обряды, а для того, чтобы лишать нас возможности молиться в Костеле, на нас накладывают большие налоги».

Из спецотчетов, находим и такой факт: на собрании граждан деревни Дворчицы Видзовского района Витебской области выступил Трухан. В отчете, он был назван как «религиозным фанатик», который позволил себе заявить: «Как мы будем голосовать за выставленных кандидатов, они в Бога не верят, поэтому неправильно будут руководить. Они не будут защищать религию, без которой мы не можем жить». Далее, он обратился и к католикам: «Католики! Будьте благоразумны и не голосуйте за выставленных кандидатов и не берите на свою душу греха и ответственности перед Богом». При этом было отмечено и тот факт, что на одном из собраний, вышеназванный Трухан «был разоблачен наиболее активными крестьянами и выявлен уже, как «прихвостень ксендзов» [6, л. 20].

«В деревне Воленды Чижевского района Белостокской области в члены комсомола была принята местная девушка Каница Геня. Однако, до получения комсомольского билета, церковникам так удалось обработать ее, что в итоге привело не только к отказу в получении комсомольского билета девушкой, но и к тому, что она стала активно выполнять поручения ксендза» [6, л. 21].

Следует отметить, что в западных областях насчитывалось более 30.000 человек протестантов, которых представляли преимущественно немцы и литовцы [6, л. 15]. На рассматриваемых территориях имелись также как церковные организации, так и религиозные секты, которые в свою очередь подразделялись по вероисповеданию на католические, православные, магометанские.

В архивных документах сохранились сведения о различных сектантских организациях в западных областях Беларуси, среди которых:

«Братишники» – польская религиозная секта, в которой состоят исключительно мужчины. По взглядам этой секты, мужчины не должны знать женщин. Сектанты располагают большим хозяйством. Под видом «обучения» молодежи садоводству и ведению сельского хозяй-

ства, в течение трех лет обрабатывают ее в религиозном духе. В Граевском районе Белостокской области секта «Братишники» имеет хозяйство, состоящее из 80 га земли, сада и большого количества пчел.

«Ильирицы» – впервые религиозное течение возникло в Соколках. «Основано попом», по имени Илья. Сектанты, еще в 1925 году разработали новое Евангелие, в котором, сотворение мира трактуется как «геологическая эра», например, «первый день сотворения мира считается *одна эра*, равная 15–20 тысячам лет, второй день – *вторая эра* и т.д.». Сектанты «ильинцы» в своей пропаганде «предсказывают болезни, конец света...» и предлагают «ничего не делать, кроме моления Богу». В результате, в некоторых местах сектанты не снимали урожай с полей. Главный храм секты находится в поселке Мосты Барановичской области.

«Партия Святого Казимира» организовалась в 1923 г. в Белостокской области. «В прошлом ставила задачу – вести борьбу с поляками за присоединение Вильно и Виленской области к Литве под лозунгом: «Литва для литовцев!» В партию было привлечено литовское население многих деревень. После смерти «попа Казимира», его, «как борца и патриота возвели в святые, а партию назвали его именем. Теперь, когда Литва стала Советской, руководители этой церковной «партии» поставили задачу – «вести борьбу за неподчинение Советской власти». Во время призыва в РККА, они ходили по домам и «пытались агитировать, чтобы призывники не являлись в призывную комиссию».

«Бодачи» – секта, считающая себя «объединением свободных исследователей Святого Писания». Распространяют свое влияние на население Свислосцкого и Крынковского районов. «Сектанты не платят государственных налогов и не выполняют государственных обязательств, мотивируя это тем, что они выполняют только божьи законы» [6, л. 15–17].

В Гайновском районе, Брестской области до прихода Красной Армии существовала религиозная организация католической молодежи «Товарищество католическое», которое распространяло всякие контрреволюционные измышления по адресу СССР. Этой организацией руководили ксендзы. В настоящее время подполье «Товарищество католическое» ведет среди католической молодежи активную работу.

Кроме вышеуказанных сект также существовали: баптисты, евангелисты, субботники, воскресники, толстовцы, пятидесятники, мурашковцы и т.д. Только в Гайновском районе, имелось три сектантские общины баптистов. По численности: в Гайновке насчитывалось

35 человек, в местечке Беловеже – 111 человек, в Наревке – 120 человек. Нарьевская община баптистов имеет большое влияние на население, в частности, на рабочих стеклозавода. Так, 21–22 октября на стеклозаводе проходили переговоры профорганизаций. Секретарем собрания был избран руководитель Назаревской общины баптистов Мацкевич. При этом, около 70 % кандидатов в члены завкома были выдвинуты как раз баптисты. В деревне Любень Пинского района баптисты запретили своим детям петь революционные песни. Один из баптистов, выступая на собрании рабочих, говорил, что профорганизация рабочих ничего не дала: ни ботинок, ни одежды. И призывал всех остальных рабочих к выступлению в таком же духе.

Со временем советская пропаганда во всеуслышание стала уже достаточно открыто утверждать, что церковники всех мастей в новых условиях несколько перестроились, приспособились и видоизменили формы своей реакционной деятельности, особенно активную борьбу они ведут за влияние на молодежь и детей [2, л. 78]. В рассматриваемых спецотчетных материалах можно найти сведения, касающиеся и вопроса «О приспособлении церковников» [6, л. 22–23]. Советские органы власти на местах начинают подбор информации об антисоветской деятельности. Священник Грамотович, деревни Ново-Березово, Гайновского района, среди прихожан говорил следующее: «Жить можно: сначала было наложено 2 тыс. рублей, а когда я пожаловался в область, то половину сбросили». В деревне Охово Жабинковского района Пинской области местный поп агитировал молодежь на посещение церкви и просил петь в церкви «Катюшу». Молодежь этой же деревни пришла в райком партии, рассказала об агитации попа и спросила: «Можно ли удовлетворить просьбу попа и петь в церкви «Катюшу»? Или: «В деревне Рожайчицы, Каменецкого района, Брестской области, на собрании крестьян по выдвижению кандидатов в депутаты, поп Васильев произносил следующие лозунги: «Да здравствует Советская власть!», «Да, здравствуют исторические выборы!», «Да, взвьется Красное знамя на всей земле!» [6, л. 22]. «О приспособлении церковников в новых условиях» говорят и сами действия католических священников, которые, «собирали к себе детей, читая им Евангелие» или «обучали их молитве» [6, л. 13, 21]. Из-за невозможности легальной религиозной деятельности католическое духовенство действительно стремилось различными способами не допустить расширения атеистической пропаганды прежде всего среди молодежи. Примером может служить: «В Русохатовском сельсовете, Чижевского района был распространен слух о том, что кто хорошо поет, может посещать хор в костеле. Оказалось, что ксендз организо-

вал большой хор из молодых девушек и юношей, при этом, в хоровой кружок вошли даже те, которые никогда не пели или поют очень плохо». В местечке Суховолье, Дембровского района ксендз для детей регулярно устраивал возле костела физкультурные игры, а в костеле проводил детские вечера [11, s. 24–25]. В том же районе ксендз Вишневецкий во дворе костела организовал для детей игры в мяч, в футбол, в шашки, домино, во время которых обучал молитвам.

Ксендз г. Семятичи в разговоре об оплате за религиозные обряды заявил следующее: «Я беру плату за обряды не со всех. А если у бедняка нет денег, то с него ничего не беру...» [6, л. 21].

Говоря об общем количестве костелов в западных областях БССР, советская власть до декабря 1940 г. не располагала точными данными. Это подтверждается тем, что только 5 декабря 1940 г. было издано Постановление Бюро ЦК КПБ(б)Б о регистрации в западных областях БССР всех религиозных организаций и их молитвенных домов [22, s. 5]. В результате, на февраль 1941 г., было установлено, что на территориях, присоединенных к БССР осталось функционировать только 446 костелов, в которых служили 617 ксендзов [16, s.150]. Советская власть достаточно активно и успешно осуществляла кампанию по закрытию как раз костелов. Пропагандой подобные действия преподносились так, будто костелы пустуют, а сами верующие отказываются от них. На самом деле в справках НКВД под грифом «совершенно секретно» сообщалось, что среди поляков особенно сильны религиозные предрассудки, что почти все поляки, в том числе и молодежь, ходят в костел и отмечают все религиозные праздники [3, л. 77].

Обращает на себя внимание «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих служащих с предприятий и учреждений». Принятое решение, действительно вводило более жесткие меры трудового законодательства, направленные на подготовку страны к будущим военным действиям, которые, как известно, начнутся ровно через год, в июне 1941 г. Так, вот, в интересах верующих, «уже через несколько дней, церковники приспособливали богослужение в костелах утром – на один час раньше, вечером – на один час позже [6; л. 22], т. е. приспособили к рабочим часам учреждений и предприятий, а в выходные дни костелы были открыты целый день [19, с. 21–22]. Так, в результате, в ряде мест отмечалось более оживленное посещение костелов (а влияние ксендзов на родителей в костелах передавалось и на детей). Естественно, подобная деятельность считалась незаконной и пресекалась советскими органами власти. Антисоветский характер носили

проповеди упомянутого ксендза Вишневого, который позволил себе 27 ноября 1940 г. в стенах Чижевского костела произнести следующее: «Есть государства, которые не признают религию, эти государства стремятся сделать людей неверующими в Бога, но ни одно государство никогда не было вечным, оно изменяется по Божией воле. Посмотрите вы на историю государства Бисмарка и других господ, их государства сменялись, но религия католическая всегда одна, она была и будет вечна. Сколько не было войн между народами и государствами одних против других, но наш Бог не воюет ни мечом, ни огнем, а воюет словами и верность его вечна. Верующие католики должны объединяться и молиться во имя большого мученика Иисуса Христа, которого распяли «жиды». Наши дети должны верить в Бога, как и мы, они должны быть верующими католиками» [4, л. 40].

Большой опыт в борьбе со «шпионами» и «врагами народа», у советской власти имелся, поэтому она воспользовалась им как раз в преследованиях католического духовенства в западных областях БССР [2, л. 33]. За служителями костелов был также установлен постоянный контроль, велась их агентурная разработка. Имелись случаи, когда арестованные церковнослужители заменялись «псевдосвященниками», которые своим поведением компрометировали сам чин священнослужителя [12, s. 127]. Шпиономания стала поводом для арестов священнослужителей: вполне достаточно было обвинительной формулировки «за контрреволюционную агитацию». В справке «О состоянии антирелигиозной работы в западных областях БССР», датированной январем – апрелем 1941 г., говорилось: «все ксендзы являются врагами советской власти, а некоторые состоят агентами иностранных разведок» [11, s. 125].

Таким образом, в 1939 г. произошли изменения курса государственной религиозной политики. Можно даже говорить о едином периоде религиозной политики в СССР, для которого было характерно, прежде всего, вынужденное допущение значительной активизации церковной деятельности: Патриархия получила возможность совершать архиерейские хиротонии, замещать пустующие кафедры и т.д., при этом, без серьезных видимых уступок, закрепленных законодательством. Несмотря на то, что в 1939 г. наметился курс, связанный с отказом от массированного наступления на Церковь, по-прежнему, и в 1939–1941 гг., приоритетной задачей в религиозной политике государства оставалось скорейшее построение безрелигиозного общества. В связи с активизацией церковной жизни в стране, уже к середине 1940 г. советские органы власти вновь начинают ужесточение курса: продолжается закрытие храмов, снова растет число арестов священников и т.д. Советское законодатель-

ство о религии применялось ко всем конфессиям в равной степени. Но, особенно жестко это законодательство было направлено против католиков. В западных областях БССР антипольские настроения местного населения были актуальны, т.к. для них ксендзы ассоциировались со служителями польского государства. Играя на этих чувствах, советская власть объявляла всех ксендзов и поляков – «шпионами», а верующих католиков – «их пособниками». Как следствие, из 6.000 костелов, находившихся на территории западных областей БССР, после присоединения их к Советской Белоруссии осталось всего несколько сотен, которые были поставлены в сложные условия [7, s. 99].

1. Епископ Неве вошел в историю как «агент влияния Ватикана, как ключевая фигура заговора Ватикана»; «...проживая длительное время на территории СССР под видом миссионера и религиозного деятеля, занимался шпионажем против Советского Союза» // Васильева, О. Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор / О.Ю. Васильева. – М.: Лепта-Пресс, 2004 – 382 с., а также: Васильева, О. Дело архиепископа Варфоломея / О. Васильева // Альфа и Омега. – № 4. – 2000. – С. 202.

2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 18 «П». – Оп. 1.

3. ГАБр. – Ф. 7580. – Оп. 1. – Д. 32.

4. ГАБр. – Ф. 7580. – Оп. 1. – Д. 32.

5. ГАБр. – Ф. 7581 «П». – Оп. 1. – Д. 19.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 10 (Проекты постановлений ВКП(б), справки управления пропаганды и агитации)

7. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 44.

8. Документы внешней политики. 1940 – июнь 1941. – Т. XXIII. – Кн. 1. – М., 1995.

9. Александр Попов. Гонение на Православие и русских в Польше. – Белград: тип. «Меркьюрь», 1937. – 93 с.

10. Mironowicz, E. Białoruś / E. Mironowicz. – Warszawa, 1999. – 300 s.

11. Sword, K. Politzka wyznaniowa władz sowieckich na terenie Białorusi zachodniej w latach 1939–1941 / K. Sword // Społeczeństwo Białorusie, Litewskie i Polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. – Warszawa, 1995. – S. 141–160.

12. Lebediewa, N. S. Komitetu Centralnego WKP(b) i sowietyzacja Polski / N. S. Lebediewa // Sowietyzacja kresów wschodnich II Rzeczypospolitej po 17 września 1939 / Studia pod red. A. Sudota. – Bydgoszcz, 1988. – S. 33–54.

13. Sword, K. Politzka wyznaniowa władz sowieckich na terenie Białorusi zachodniej w latach 1939–1941 / K. Sword // Społeczeństwo Białorusie, Litewskie i Polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. – Warszawa, 1995. – S. 141–160.

14. Zachodnia Białoruś 17.IX.1939 – 22. VI. 1941. Wydarzenia i losy ludzkie. – Warszawa, 1998. – S. 33–53.

15. Siemaszko, Z. Życie religijne obywateli polskich głębi ZSRR w latach 1939–1957 / Z. Siemaszko // Odrodzenie Kościoła katolickiego w byłym YSRR. – Lublin, 1993.

16. Zachodnia Białoruś 17.IX.1939 – 22. VI. 1941. Wydarzenia i losy ludzkie. – Warszawa, 1998. – S. 33–53.
17. Sleszyński, W. Okuracja sowiecka na Białostoccyże 1939–1941 / W. Sleszyński. – Białostok, 2001. – 594 s.
18. Патриарх Сергей и его духовное наследство. – М., 1947.
19. Поспеловский. Дмитрий Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. – М. : Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 493 с.
20. Феофилин, С. В. Взаимоотношение государства и религиозных организаций в 40-х – середине 50-х гг. XX в.: дис. ...канд. ист. наук / С. В. Феофилин. – Майкоп, 2002. – 178 с.
21. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 2000. – 400 с.
22. Ярославский, Е. О задачах антирелигиозной пропаганды / Е. Ярославский // Безбожник. – 18 авг. – 1940.

**ON THE FACTS OF THE ACTIVITIES OF CHURCHMEN
IN WESTERN REGIONS OF THE BSSR
(SEPTEMBER 1939 - JUNE 1941)**

Oksana Kharchenko

Brest State A.S. Pushkin University, Brest, Belarus

The article examines the confessional situation in the western regions of Belarus since the entry of these regions in September 1939 into the BSSR and the USSR. The initially pursued religious policy of the Soviet government in the western White-Russian region in relation to the Orthodox Church, Catholic Church, and religious sects was distinguished by its "restraint." Since the spring of 1940, the "moderate course" of the Soviet government in the field of ideology and religion gradually began to change, when a policy similar to the one that had taken root throughout the Soviet Union for decades was already planned.

Keywords: Orthodox Church, Catholic Church, anti-religious policy, propaganda